

МЕЛИНА БОЯРОВА

ТАЛИСМАН ДЛЯ КНЯЗЯ
ГЛАВА РОДА

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
Б86

Боярова, М.

Б86 Талисман для князя. Глава рода / М. Боярова. — М. : Т8
Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 410 с. —
(Талисман для князя).

ISBN 978-5-521-90203-3

Минуло пять лет спокойной жизни, обещанные великим князем Холода, и проблемы посыпались одна за другой. Пропала троюродная сестренка, служившая прикрытием для Нины. В семейном бизнесе наступила черед неурядиц, а главам золотых родов не дает покоя незамужний статус княжны Леви.

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
ВІС FС
BISAC FIC000000

© Боярова М., 2022
© Кузнецова Н., оформление, 2022
© RUGRAM, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

ISBN 978-5-521-90203-3

ГЛАВА I

Я стояла на вытяжку, прямая, как струна, и при этом смотрела куда угодно, только не на аббатису. За пять лет научилась терпению, научилась притворяться и смирять гордыню. Нас, воспитанниц Альтернбургского пансиона, держали в строгости и аскетизме, выковыывая из восторженных наивных девочек благовоспитанных железных леди. Здесь не гнушались поркой, исправительными работами и карцером. Угадайте, кто был постоянным обитателем каменного мешка? Я, Ханна или же графиня Мессалина де Фонтен — зеленоглазая бунтарка, затесавшаяся в нашу компанию.

Впервые ступив на территорию Альтернбургского аббатства, я была поражена потрясающей архитектурой и неповторимым стилем барокко Йозефа Муунгенаста, фресками Троггера и мраморной отделкой Хоппля. Искусные мастера, чьи таланты по достоинству оценили бы в обоих мирах.

Почти девять лет пролетело с тех пор, когда Инга Симакина погибла в родном мире и получила шанс на новое рождение уже здесь, в Российской империи, в теле шестилетней Нины Забелиной. Столько событий произошло с тех пор, столько потерь и страданий пережито — на десять жизней хватит. В далеком прошлом остался муж и двое детей, а в настоящем я — пятнадцатилетняя девчонка, последняя носительница редкого дара. Единственная выжившая после кровавой бойни, устроенной князем Шумским, чтобы заполучить моего младшего брата Данияра и наложить лапу на сокровища, которые мои предки собирали на протяжении столетий. Говоря «мой брат» и «мои предки», не кривлю душой. Я действительно считаю Забелиных родными, потому что вместе с телом шестилетней девочки мне достались ее чувства, привязанности и необыкновенная магия. Я и есть Нина Константиновна Забелина — щит и надежда рода.

Новый мир воплотил давнюю детскую мечту, выросшей в детдоме Инги, — подарил любящих родителей и семью, а магические способности наполнили жизнь чудом и волшебством. Но этот же мир вскорости отнял самое дорогое, бросил в пропасть отчаяния, наглядно показав, что за все нужно платить. Тогда я чуть не умерла во второй раз. Спас меня тот, кого обрели на погибель еще до моего рождения. Изгнанник, отвергнутый собственной семьей, троюродный брат Игнат. Вместе мы поклялись возродить уничтоженный род и отомстить убийцам. Начало уже положено!

Пусть нельзя заявить о себе во всеуслышание и вернуться в родное поместье, но мы построили новое на собственных землях под Алапаевском. Дом уже наполнен семейным теплом, уютом и топотом детских ножек. За время, что я провела в пансионе, на свет появился Александр Игнатьевич Забелин, названный в честь великого прапрадеда. В свои четыре года он уверенно держал в руках деревянный меч, метал кинжалы в цель и даже ходил с отцом на охоту. Двухлетний Костик тянулся за братом, но чаще таскался хвостиком за старшей Юленькой, обожающей строить башенки из песка, камней и всего, что попадется под руку. По отдельности — это очаровательная малышня, но вместе — шайка проказников, во главе которой четырехлетняя Абигель бен Есиф, умная не по годам сестренка Алима, а значит, и моя тоже.

Интересно, долго еще? — бросила испытующий взгляд на аббатису и мысленно вздохнула, — долго! Пока не прочтет нотаций на жизнь вперед, не отпустит. А там Алимчик, наверно, заждался, эх! Но это в духе Изольды Францевны — демонстрировать мнимую власть. Мнимую, потому что за воротами Альтернбургского пансиона она — старая дева из захудалого графского рода. Некоторые воспитанницы повыше рангом будут, побогаче и повлиятельнее. Но ничего не поделаешь! Здесь нет сословий или привилегий — все равны. Женский пансион в Альтернбурге считался лучшим, недаром наш выбор пал на это заведение.

Первые пару лет Изольду Францевну коробило от одного моего вида. Щепетильная и педантичная в мелочах, она категорически отказалась принимать учениц, когда учебный год уже начался. Но кто такая графиня де Пурье, когда есть бумага с подписью австрийского императора? Вот и скрипела зубами, придиралась и, чуть что, карцером воспитывала. Для большинства воспитанниц угодить в холодную камеру и неделями сидеть на хлебе и воде — жестокое наказание. А для меня это была хорошая возможность побыть одной, помедитировать и заняться самообразованием. Ну, а то, что условия суровые и в холоде легко подхватить простуду, так лекари на что? Да и не болеют маги из-за таких мелочей. Мы с Ханной чуть не дрались за право «отдохнуть» от изнурительной муштры. Обширные сады аббатства нуждались в постоянном уходе, монастырь и надворные постройки требовалось содержать в чистоте. Работы хватало, но я не жаловалась. Как потом управлять помещьем или замком, не зная всей кухни изнутри? Из нас воспитывали идеальных жен и верных помощниц будущим супругам. Дисциплины здесь преподавали грамотные и опытные учителя. Изучению языков, слову Божьему, домоводству, этикету, танцам и литературе отдавалось первое место. Помимо этого, факультативно шла математика, история, геометрия, астрология, основы физики и химии. В аббатстве имелась обширная библиотека, где я была частым гостем. Некоторые трактаты по истории и философии, шедевры литературы, вернее их копии, уже перекечевали в ашкеназский исторический центр. Выносить или переписывать книги строго запрещалось, я же медленно листала страницы, фиксируя содержимое на магический кристалл. В карцере как раз было время вдумчиво почитать новый материал, запомнить или усвоить недостающие знания. Когда кристалл заполнялся или сведения становились ненужными, передавала его Егорке, пристроившимся в близлежащей деревеньке, откуда раз в неделю поставляли продукты.

Вот ведь нахаленок! Я же обещала взять его с собой, когда поеду учиться. Но обстоятельства так сложились, что не сумела вернуться за ним в Алапаевск и сразу отправилась в пансион.

Егорка, узнав об этом, убежал из дома, нанялся юнгой на воздушный корабль, который доставил его в Австрию. И уже тут, без знания языка и местных обычаев, скитался, пока не попал в Альтернбург. Я же чуть уши не оборвала сорванцу, когда впервые увидела его на телеге мельника. Пришлось разбить любимую вазу аббатисы, чтобы угодить в карцер и отписаться своим, что нашлась пропажа.

Ох, если бы не пространственный кошелечек, замаскированный под ладанку для святых мощей, не знаю, как бы выжила, отрезанная от дома и близких. Магию я не использовала, украшения или амулеты воспитанницам не полагались. Мы носили одинаковые серые платья с корсетом, хлопковое нижнее белье, чепчики и полусапожки из грубой кожи. Крахмалили белоснежные кружевные воротнички и манжеты, стирали в холодной воде фартуки, которые постоянно пачкались.

— Мне бесконечно жаль прощаться, — Изольда Францева, наконец, подошла к завершающему этапу наставления, — но не вижу, чему бы еще могла научить без сомнения лучших воспитанниц курса.

Еще бы! С Алимом мы договорились, чтобы за последний год я сдала экзамены досрочно. В планах куча проектов, где требовалось мое участие. Намеревались без суеты подать документы в Московскую академию магии, вступительные экзамены в которой начинались в июне. Но я не думала, что покину пансион в середине весны. Шестой год обучения предполагал наставническую работу, когда будущие выпускницы занимали места старших воспитателей и получали больше свободы и привилегий. Мы с девочками уже предвкушали, как развернемся и отыграемся за годы воздержания. Подруги тянулись за мной, зарабатывали репутацию среди других девиц, не отставали в учебе и рассчитывали на награду. Однако от брата пришло сообщение, чтобы готовились в любой момент покинуть заведение, пока он улаживает формальности. Как раз сегодня такой день настал.

— Ханна, Батуш, Мессалина, — аббатиса по очереди задержала взгляд на каждой из нас, — теперь вы выпускницы Аль-

тернбургского пансиона. Будьте достойны этого звания и не опозорьте честь учебного заведения. Ваши документы об окончании и аттестаты уже переданы родственникам, которые ожидают вас за воротами. Запомните, покидая эти стены, вы всегда можете рассчитывать на мою поддержку и помощь сестер. Прощайте!

Мы синхронно склонились перед Изольдой Францевной, чтобы получить благословение, после подхватили дорожные сумки со скромными пожитками и направились к воротам.

— Даже не верится, — Ханна обернулась, наблюдая, как со скрипом закрываются двери. — Атти, мы это сделали!

— Свобода! Наконец-то! — вдохнула весенний воздух полной грудью. — И называйте уже меня Ниной.

— Вот еще! — фыркнула Месс. — Для нас ты навсегда останешься Атти. Это за вами?

Стоящий на дальней подъездной дороге сверкающий хромом паромобиль плавно развернулся и покатил к нам. Судя по гербам на дверях и эскорту охраны, сам великий князь прибыл. Машина замерла метрах в пяти от нас, дверцы пассажирских сидений распахнулись, и оттуда синхронно вышли два молодых человека. Жгучий брюнет с аккуратной бородкой и русоволосый широкоплечий богатырь, в котором я с трудом узнала Игната. Оба при параде и такие красивые, что дух захватывает.

— Ого! — восхищенно ахнула Мессалина. — Кто это?

— Братья приехали! — просияла лучезарной улыбкой и замешкалась, кого первым обнять.

С выбором невольно помогла Ханна, бросившись к Алиму. Я же, наплевав на уроки этикета, запрещающие открыто демонстрировать чувства, с разбегу врезалась в широкую грудь Игната и крепко-крепко обняла его.

— Как же я соскучилась! Как же рада видеть! Вас всех! Скорее бы оказаться дома.

— А мы-то как ждем, не представляешь! У нас драка вышла, кто поедет встречать, — братец стиснул меня в объятиях до хруста в костях, расцеловал от души.

— Я и не сомневалась, что ты отвоюешь это почетное право.

— Э-нет! Я вне конкуренции, как и Алим. Идем в машину, а то я неуютно себя тут чувствую, — бросил тревожный взгляд на стены аббатства и потянул меня за собой.

— Подожди, а наша подруга? Знакомься, это...

— Графиня де Фонтен, знаю, — перебил брат, отпустил меня и учтиво поклонился, — это письмо от вашего дяди, который любезно предоставил разрешение встретить вас и доставить к месту будущей работы, — вытащил из кармана камзола конверт с сургучной печатью графского рода и протянул девушке.

— Что? — улыбка медленно сползла с лица Мессалины. — Какой работы?

Поджав губы, графиня взяла бумагу и пробежалась глазами по строчкам. По мере прочтения смоляные брови поползли вверх, а под конец Месс заливисто расхохоталась.

— Как вы это сделали? Как убедили дядюшку не выдавать меня замуж за противного барона Фрунье?

— Ну, — братец с хитрецей посмотрел в сторону ашкеназца, — неожиданно вскрылось, что некий барон на грани разорения и через брак хотел поправить плачевное положение. Достопочтенный граф Фонтен разорвал помолвку с бароном Фрунье, когда увидел чек за пожизненный контракт и расписку, что расходы по вашему содержанию семья Гладьевых берет на себя.

— Пожизненный? — Мессалина уткнулась в бумаги. — Но тут сказано, на десять лет с возможностью продления?

— Разве? — брат небрежно повел плечом. — Наверно, я оговорился. Конечно, на десять лет. И это ваше право вернуться в семью, где вас непременно выдадут замуж, или же продлить контракт и остаться в Российской империи.

— Но я... — впервые видела Месс такой растерянной. Она спросила шепотом, — а если я встречу кого-то? Ну, а вдруг?

— Тогда будущему супругу придется выплатить неустойку по контракту и получить благословение на брак от графа Фонтен.

Я чувствовала, брат лукавит и нарочно дразнит девушку. Никаких неустоек требовать не будет. Договор — моя просьба помочь подруге сбежать из-под опеки дяди, которому наплевать на судьбу племянницы, пока он распоряжается состоянием ее погибших родителей. Я заранее об этом ничего Мессалине не говорила, да и не знала, что придумает Алим. Контракт — хороший вариант, благодаря которому подруга не будет чувствовать себя приживалкой в чужом доме и у нее будут средства к существованию.

— Хорошо, — Месс вздохнула, еще не понимая, радоваться такому стечению обстоятельств или нет, — но тут не написано, какие услуги потребуются.

— В самом деле? — Игнат удивленно вздернул бровь, тогда как в его серых глазах сияли лукавые смешинки. — Вы будете компаньонкой, Нина Константиновна как раз входит в пору взросления. Помимо этого, я видел ваш аттестат и буду признателен, если дадите пару частных уроков французского Александру Игнатьевичу и Абигель бен Есиф.

— Игнат Александрович, у тебя совесть есть? — Алим подошел ближе и с укором посмотрел на молодого человека. — Я сестру пять лет не видел, а ты не даешь мне даже обнять ее.

— Братик! — всхлипнула, расчувствовавшись. — Ты такой... такой красавец стал, глаз не отвести.

— Это Циля, — хмыкнул ашкеназец, расплываясь в улыбке от похвалы. — Имидж великого князя, и все такое, — нарочито тяжело вздохнул, — приходится соответствовать.

Я подошла к молодому человеку, не решаясь обнять его первой. Пять лет назад даже не задумывалась, когда забираюсь помощнику на колени, чтобы поделиться секретами. Сейчас же все изменилось. Алим больше не калека, передвигающийся на инвалидной коляске, а привлекательный мужчина.

— Иди сюда, сестренка! — брат распахнул объятия, подмигнул и расхохотался. — Ничего не изменилось! И только те-

бе позволено безнаказанно сидеть у меня на коленках, — шепнул на ухо, отчего я густо покраснела. — Для остальных девушек это чревато последствиями.

— Алим!? — оторопела от такой откровенности.

— А что сразу Алим? Я — Великий князь, между прочим. Могут у меня быть маленькие слабости?

— Э... — сказали все-таки пять лет в пансионе, где из мужчин только светочи или учителя — благообразные старички, — избавь, пожалуйста, меня от подробностей. Если только это не касается женитьбы. Но ты ведь пока не собираешься?

— Нет! Зачем? — нахмурил брови. — В моем расписании свадьба не предусмотрена.

— Поговорим позже, — посмотрела в глаза ашкеназцу, в которых за нарочитой веселостью и бравадой скрывалась застарелая боль. — Позволь представить графиню Мессалину де Фонтен, — вовремя вспомнила о правилах этикета, чтобы сменить тему. — Полагаю, заочно вы знакомы, но официальное представление также необходимо. Спасибо за Месс! — шепнула Алим у на ухо, для чего пришлось встать на цыпочки.

— Рад знакомству, — брат учтиво склонил голову, пока я называла его полное имя с титулом, а после поцеловал подружку руку. — Предлагаю воспользоваться паромобилем, чтобы сменить обстановку.

Возражений ни у кого не возникло, и мы загрузились в машину. За рулем сидел незнакомый ашкеназец, а в салоне уже занял место Егорка, встретивший нас широкой улыбкой. Я не сдержалась, взъерошила непокорную шевелюру мальчишки и чмокнула его в щеку. Девочки, прекрасно знающие, кого благодарить за свежие булочки и необходимые в быту мелочи, тоже подошли и синхронно поцеловали нахаленка. Мальчишка засиял, будто начищенный до блеска медный самовар, приосанился и задрал нос.

— Смотри, не загордись! — по-доброму усмехнувшись, предупредил его Игнат.